

У Юй в голове прокрутил несколько вариантов развития событий и вздрогнул, наконец придя в себя:

— Это Отец Доуцзы?! Это я, У Юй, это я, я самый!

— А-Юй? Как ты здесь оказался? — голос человека за стеной заметно дрожал.

— Я? Кажется, я и сам толком не понял, ха-ха... — У Юй не мог признаться, что его схватили, потому что он искал Отца Доуцзы, и попытался ответить как можно беспечнее, пытаясь отшутиться.

— Неужели ты пострадал из-за меня? Прости, ради всего святого! — после ареста в темнице Отца Доуцзы охватил ужас: он знал, что в нынешние времена за преступление могут наказать не только виновного, но и всех его близких. — А как же Доуцзы? Его, его тоже... — мужчина уже был на грани срыва, в его голосе сквозили неприкрытые рыдания.

— Успокойся! Доуцзы сейчас живет у А Жуна, с ним всё в порядке. Я обещал ему, что приведу тебя домой в целости и сохранности. Он будет тихо ждать в деревне, с Доуцзы ничего не случится, — У Юй заставил себя говорить твердо.

— Но как ты сам-то сюда попал? Боюсь, теперь нам обоим не поздоровиться. Какое же я натворил зло...

Голос мужчины становился всё тише. Хотя У Юй не видел его, он легко мог представить себе полное отчаяние на лице Отца Доуцзы.

— Перестань, сейчас не время для этого! Быстро рассказывай, почему тебя схватили, что именно ты совершил? Только так мы сможем придумать план побега.

— Эх! — Отец Доуцзы с силой ударил кулаком по земле. — Всё из-за того, что наваждение нашло, вот и погубил свою жизнь.

В тот день, вопреки советам отца А Жуна, я отправился в горы. И случилось нечто странное: в глубине горы Гунъюн, где ступает разве что зверь, после долгого подъема я неожиданно наткнулся на проложенную кем-то тропу, которая петляла вокруг скал и выводила прямо к вершине. На самом пике горы Гунъюн висел дивный аромат, от которого кружилась голова и хотелось парить в небесах. Я словно лишился рассудка и, ведомый этим запахом, вышел к скрытой пещере...

Внутри пещеры веяло таким холодом, будто попал в ледник. Отец Доуцзы окончательно очнулся от дурманящего аромата, но, к своему удивлению, не обнаружил ни единой льдинки, зато из глубины пещеры доносилось журчание воды. Он пошел дальше, и аромат становился всё сильнее, пока перед его глазами не раскинулось поле изумрудных трав!

Над полем в скале зияло отверстие, размером как раз с этот участок; подняв голову, можно было увидеть небо. За все годы, что он провел в горах за сбором лекарственных трав, он никогда не видел ничего подобного. Решив, что это невероятно ценное сокровище, он в порыве жадности набил ими свой мешок и поспешил вниз.

Кто бы мог подумать, что, как только я начал выкрикивать свой товар на городской улице, стражники тут же схватили меня и бросили в темницу. Только во время допроса я узнал, что это поле принадлежит Семнадцатому Вану.

На вершине горы Гунъюн вход в пещеру ежедневно охраняли двое солдат. Большое количество людей могло привлечь внимание местных жителей, но Ванфу уже давно распространило леденящие кровь слухи, которые служили естественным барьером, поэтому до сих пор всё было спокойно.

Удача Отца Доуцзы в тот день была одновременно и ужасной, и невероятной. У одного из дежуривших солдат дома стряслась беда, и он, понадеявшись на авось, осмелился самовольно покинуть пост. Другой же в тот день мучился животом и как раз отлучился по нужде именно тогда, когда Отец Доуцзы добирался до вершины. Поэтому всё прошло без сучка и задоринки.

Когда Отец Доуцзы отошел на приличное расстояние от пещеры, вернулся тот самый солдат. Увидев следы у входа, он в панике бросился внутрь и понял — дело плохо! Травы были вытоптаны, поле приведено в беспорядок. Он кубарем скатился с горы, намереваясь доложить во всё, но, едва войдя в город, случайно увидел, как Отец Доуцзы торгует той самой травой. Как говорится, вора взяли с поличным!

А тех двух нерадивых солдат в тот же день тайно казнили.

Внезапно раздались быстрые шаги.

— Эй ты, выходи! — рявкнул стражник, обращаясь к У Юю.

У Юй только выслушал рассказ Отца Доуцзы, и теперь его прошиб холодный пот. Отец Доуцзы совершил кражу, да еще и украл имущество самой императорской семьи — дело принимало дурной оборот!

За пределами камеры, позади нескольких стражников, стоял молодой человек с необычайно красивым лицом. Он был облачен в черное боевое одеяние, его густые брови напоминали мечи, а взгляд был острым, как клинок. Черные волосы были туго стянуты на затылке, от него исходила властная аура.

— Господин, это сообщник того вора, которого мы только что поймали.

У Юй был вынужден встать на колени на холодные каменные плиты под присмотром двух

стражников.

— Господин, я невиновен! Мы просто из одной деревни. Он ушел несколько дней назад, не оставив вестей, и я лишь искал его по просьбе других людей.

Молодой человек взглянул на У Юя и холодно бросил стражникам:

— Раз уж он признался, что знаком с преступником, казнить их завтра вместе. Совершить подобное тяжкое преступление... то, что Ван не приказал истребить их до девятого колена, — уже великая милость. Им еще повезло.

Он развернулся, собираясь уходить. У Юй, услышав это, чуть не лишился чувств. С трудом сглотнув ком в горле, он закричал во весь голос:

— Господин! Господин, подождите! Я готов искупить вину своими заслугами. У меня есть способ заставить эти травы ожить!

Мужчина в черном замер, обернулся и снова окинул У Юя взглядом. В его глазах читалась такая угроза, будто он хотел прожечь У Юя насквозь; это было предупреждение: за пустые слова плата будет гораздо страшнее.

...

На вершине горы Гунъюн У Юй стоял у края травяного поля, чувствуя полное отсутствие воли к жизни. Обычно спокойный и неторопливый человек, сейчас он в душе проклинал всё на свете и мечтал лишь об одном — бросить всё и сбежать в глушь.

Отец Доуцзы поступил ужасно: поле, которое на вид было около пяти фу, оказалось почти полностью уничтожено, лишь несколько слабых ростков чудом уцелели. Зрелище было жалким. Будь он на месте хозяина, он бы сам избил вора до полусмерти. Тем более, что раз императорская семья выращивала это в такой тайне, вещь была явно не из простых.

Позади него в ряд выстроились десятки воинов. В центре пустого круга стоял тот самый молодой человек в черном, а рядом с ним покоилась роскошная паланкин-колесница, занавешенная серебристо-серым полупрозрачным шелком, из-за которого клубился холодный туман, и внутри смутно угадывался чей-то силуэт.

У Юй подумал: скорее всего, в паланкине сидит сам Семнадцатый Ван. Похоже, слухи о его загадочности были правдой — неужели Ван действительно болен или обезображен, поэтому прячется от людских глаз?

— Чего стоишь, не оживляешь? Хватит тянуть время, не дорожишь своей собачьей жизнью? — рявкнул начальник стражи, стоявший позади. Он швырнул мешок с украденными травами к

ногам У Юя.

У Юй осторожно взял мешок. От него уже не исходило ни малейшего аромата. Он открыл мешок, достал одну травинку и внимательно изучил ее. Растение было очень нежным, с сохранившимися корешками. У Юй немного выдохнул: к счастью, Отец Доуцзы проявил некоторую осторожность, или, возможно, трава сама по себе не укоренялась глубоко — большинство побегов были вырваны с корнем, пусть и завяли, выглядя безжизненно...

Но, возможно, спасти их еще можно.

Вглядевшись внимательнее, У Юй нахмурился.

— Эта трава... почему она кажется мне такой знакомой? Дай подумать... Это же... это Гуйпо! Бессмертная трава Гуйпо?! — у У Юя сердце ушло в пятки.

<http://bllate.org/book/21880/2272351>